Шайдуллина В.К.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2026.84.155-164
УДК: 347.1:341.9

Оборот цифровых (виртуальных) активов по законодательству Российской Федерации и Азербайджанской Республики: сравнительный анализ норм и предложения по гармонизации

Аннотация: В статье сопоставляются действующие нормы Российской Федерации и Азербайджанской Республики, определяющие гражданско-правовой режим цифровых (виртуальных) активов, и формулируются конкретные предложения по их сближению. Сравнение проводится по пяти блокам: квалификация объекта, правовое положение профессиональных участников, форма и момент совершения сделки, коллизионное регулирование и защита прав обладателя. Установлено, что российский режим после вступления в силу Федерального закона от 4 августа 2026 года № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» содержит развернутые правила об учете, статусах участников и допуске приобретателей, но не имеет специальных коллизионных норм и специальных средств восстановления права; азербайджанский режим опирается на статью 4 Гражданского кодекса, Закон от 30 декабря 2022 года № 781-VIQ и Правила проведения операций с виртуальными активами 2023 года, вступление которых отложено, и потому не определяет ни договорной модели отношений клиента с поставщиком услуг, ни последствий несостоятельности хранителя. На этом основании предложены редакции статьи 1205.2 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 20-1 Закона Азербайджанской Республики «О международном частном праве», закрепляющие единую последовательность коллизионных привязок; редакции статьи 24.1 Федерального закона № 282-ФЗ и статьи 157-1 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики о защите приобретателя и восстановлении нарушенного права; обязательное ядро договора поставщика услуг виртуальных активов для будущего азербайджанского закона, а также предмет двустороннего соглашения, по которому взаимному признанию подлежат не разрешения на деятельность, а частноправовые последствия надлежащего учета.

Ключевые слова: цифровые активы, виртуальные активы, цифровая валюта, цифровой депозитарий, поставщик услуг виртуальных активов, коллизионная норма, гармонизация законодательства, Азербайджанская Республика.

Торговый оборот между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой в 2025 году превысил 4,9 млрд долларов США, а ограничения корреспондентских расчетов сделали вопрос о правовом режиме цифровых (виртуальных) активов практическим. Настоящая статья построена как сопоставление конкретных норм двух правопорядков с последующим формулированием редакций, которые устраняют выявленные расхождения. Сравнение проводится по пяти блокам: квалификация объекта, правовое положение профессиональных

♦**Шайдуллина Венера Камилевна** – кандидат юридических наук, доцент, доцент Юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (Российская Федерация). E-mail: vk.shaydullina@gmail.com

участников, форма и момент совершения сделки, коллизионное регулирование и защита прав обладателя.

Квалификация объекта. В Российской Федерации цифровые права названы в статье 128 Гражданского кодекса среди объектов гражданских прав, а их содержание и осуществление в силу статьи 141.1 Кодекса определяются правилами информационной системы [1, с. 181]. Федеральный закон от 4 августа 2026 года № 282-ФЗ прямо относит цифровую валюту к имуществу и разграничивает цифровые права, цифровую валюту и иностранный цифровой инструмент, то есть инструмент, размещенный не в соответствии с российским правом. Видовое место цифровой валюты в системе объектов при этом не определено: закон констатирует имущественный характер, не указывая, применяются ли к ней правила о вещах, об обязательственных правах или об ином имуществе [11, с. 71].

В Азербайджанской Республике специального закона нет. Статья 4 Гражданского кодекса относит к объектам гражданских прав материальные и нематериальные блага, имеющие имущественную стоимость, что позволяет включить виртуальный актив в круг объектов, но не задает его режима. Легальное определение содержится в Законе от 30 декабря 2022 года № 781-VIQ о борьбе с легализацией имущества, полученного преступным путем, где виртуальный актив описан как цифровое выражение стоимости, которое может передаваться и использоваться в платежных или инвестиционных целях. Определение сформулировано для целей финансового мониторинга и потому не решает частноправовых вопросов принадлежности и перехода права [13, с. 30].

Различие здесь не содержательное, а структурное. Оба правопорядка признают имущественную ценность актива [6, с. 88], но российский закрепляет ее в гражданском законодательстве, а азербайджанский — в акте публично-правовой направленности. Для трансграничной сделки это означает, что российская квалификация проверяема по тексту закона, а азербайджанская выводится из общих норм и требует судебного толкования.

Правовое положение профессиональных участников. Российский закон поименовывает статусы. Оператор информационной системы вносит записи о размещении цифровых прав по указанию эмитента, цифровой депозитарий ведет цифровые счета и предоставляет доступ к адресам-идентификаторам, организация, осуществляющая обмен цифровых валют, совершает сделки от своего имени вне организованных торгов. Для всех трех статусов установлены включение в реестры Банка России, требования к собственным средствам, к размещению программно-технических комплексов на территории России, к внутреннему контролю и деловой репутации, а также обязательное членство в саморегулируемой организации [2, с. 119; 9, с. 147].

Азербайджанское право использует одну функциональную категорию. Закон № 781-VIQ относит поставщиков услуг виртуальных активов к финансовым учреждениям и определяет их через обмен, перевод, хранение, организацию сделок и услуги, связанные с первичным размещением. Правила проведения операций с виртуальными активами, утвержденные решением Правления Центрального банка от 24 февраля 2023 года № 11/1, различают владельца актива, бенефициара и поставщиков услуг со стороны отправителя и получателя, однако их вступление в силу отложено до принятия актов о деятельности поставщиков. Лицензирование предусмотрено законопроектом, представленным на утверждение в 2026 году.

Сопоставление показывает, что обе конструкции построены функционально, но с разной степенью дробности. Российская модель порождает множественность специализированных

обязательственных связей, азербайджанская — концентрацию нескольких обязанностей у одного контрагента. Практическое следствие касается ответственности: в российской конструкции клиент заранее знает, кто отвечает за учет, кто за обмен и кто за хранение, а в азербайджанской это определяется конкретным договором.

Форма и момент совершения сделки. В Российской Федерации размещение цифровых прав происходит путем внесения записи оператором, а переход прав, залог и ограничение распоряжения связаны с внесением записи в информационную систему. Правила системы могут предусматривать исполнение обязательств при наступлении заранее определенных обстоятельств без дополнительного волеизъявления сторон, что в доктрине рассматривается как технический способ исполнения договора, а не как самостоятельный источник обязанностей [4, с. 99]. Общий запрет принимать цифровую валюту и цифровые права как встречное предоставление внутри страны установлен частью 6 статьи 1 Закона № 282-ФЗ и не распространяется на внешнеторговые операции; с 26 декабря 2024 года действует экспериментальный правовой режим сделок с цифровой валютой при осуществлении внешнеторговой деятельности.

В Азербайджанской Республике применяются общие нормы о сделках. Статьи 389 и 390 Гражданского кодекса закрепляют понятие договора и свободу договора, статья 407.2 допускает использование аналогов собственноручной подписи, что подтверждено постановлением Пленума Конституционного Суда от 12 августа 2020 года. Закон от 10 мая 2005 года № 908-IIQ об электронной торговле признает договор, заключенный электронными средствами, и допускает направление оферты программными средствами. Специальных правил о моменте перехода права на виртуальный актив и о юридическом значении записи в системе учета нет.

Расхождение в этом блоке наиболее ощутимо для внешнеторгового договора. Российская сторона может указать на норму, связывающую переход права с записью, азербайджанская вынуждена выводить тот же результат из условий договора. Отсюда первый вывод сравнительного анализа: сближать следует не терминологию, а правило о юридическом значении учетной записи.

Коллизионное регулирование. Российские суды применяют к трансграничным операциям раздел VI части третьей Гражданского кодекса. Статьи 1205 и 1205.1 подчиняют вещные права праву места нахождения имущества, статья 1206 определяет право, применимое к возникновению и прекращению вещных прав, статьи 1210 и 1211 — автономию воли и право стороны, осуществляющей характерное исполнение. Специальных привязок для активов, не имеющих физического местонахождения, закон не содержит [3, с. 125; 7, с. 152].

Закон Азербайджанской Республики от 6 июня 2000 года № 889-IQ «О международном частном праве» построен схожим образом: статья 24 закрепляет выбор права сторонами, статья 25 — применение права стороны, осуществляющей исполнение, имеющее решающее значение, статьи 20 и 21 регулируют вещные вопросы через привязку к месту нахождения имущества. Специальных норм для цифровых активов также нет [5, с. 148].

Таким образом, у двух правопорядков совпадает не решение, а пробел. Это обстоятельство благоприятно для гармонизации: согласовывать приходится не конкурирующие нормы, а вводимые впервые.

Защита прав обладателя. Российский закон обязывает обособлять имущество клиентов, устанавливает требования к учету и предусматривает специальные последствия нарушения, в том числе обязанность профессионального участника выкупить цифровые права у приобретателя при нарушении требований к сделке. Конституционный Суд Российской

Федерации в постановлении от 20 января 2026 года № 2-П исходил из того, что законное обладание виртуальным активом не может фактически выводиться из-под гражданско-правовой защиты. Специальных средств восстановления права, учитывающих невозможность удалить запись в распределенном реестре, закон не содержит [8, с. 82].

Азербайджанское право предоставляет общие средства защиты. Статьи 17 и 18 Гражданского кодекса определяют способы защиты, статья 21 закрепляет возмещение убытков как универсальный способ, статья 157 посвящена защите права собственности. Правила обособления клиентских активов, судьбы имущества клиента при несостоятельности хранителя и ответственности поставщика услуг за несанкционированное распоряжение отсутствуют [10, с. 118; 12, с. 80].

Сводное сопоставление норм по пяти блокам приведено в таблице 1.

Предложения по гармонизации. Первое предложение касается коллизионного регулирования. В Гражданский кодекс Российской Федерации предлагается включить статью 1205.2 «Право, применимое к цифровым (виртуальным) активам» следующего содержания: принадлежность цифрового актива, переход и обременение прав на него определяются правом, общедоступно указанным в самом активе или в правилах информационной системы; при отсутствии такого указания — правом государства, которому подчинен юридически значимый учет у оператора, цифрового депозитария или иного посредника; при отсутствии такого учета — правом государства учреждения эмитента, а для активов, не имеющих эмитента, — правом обычного места жительства или основного места деятельности лица, от которого исходит изменение контроля. Зеркальная норма предлагается для статьи 20-1 Закона Азербайджанской Республики № 889-IQ. Совпадение последовательности привязок исключает ситуацию, при которой суды двух государств по одному спору признают разное применимое право.

Второе предложение относится к защите приобретателя. В Федеральный закон № 282-ФЗ предлагается включить статью 24.1, исключающую требование прежнего обладателя о возврате актива в натуре, если актив возмездно приобретен через регулируемую инфраструктуру, приобретатель не знал и при обычной осмотрительности не должен был знать о правах иных лиц, посредник провел обязательные проверки и отсутствуют признаки обхода ограничений. За прежним обладателем сохраняются требования к лицу, неправомерно распорядившемуся активом, и к посреднику, нарушившему свои обязанности. Для Азербайджанской Республики предлагается статья 157-1 Гражданского кодекса «Защита прав на виртуальные активы», согласно которой в защите права нельзя отказать по мотиву отсутствия материального носителя, а восстановление производится исправлением учетной записи, возвратом актива в натуре, восстановлением доступа к нему, прекращением операций и возмещением убытков.

Третье предложение обращено к будущему азербайджанскому закону о виртуальных активах. Для функций хранения, учета, предоставления доступа, обмена и исполнения поручений клиента предлагается закрепить обязательное ядро договора поставщика услуг: предмет, способ учета и доступа, порядок распоряжения активом, момент исполнения, правила возврата или перевода актива, обособление клиентских активов и ответственность за их утрату либо неправомерное распоряжение. Такое решение не требует создавать отдельный вид юридического лица для каждой функции и сохраняет избранную азербайджанским законодателем единую категорию поставщика услуг [13, с. 34].

Четвертое предложение определяет предмет двустороннего соглашения. Взаимному признанию подлежат не разрешения на деятельность, которые остаются вопросом

национального допуска, а частноправовые последствия надлежащего учета: принадлежность актива, переход и обременение права, зафиксированные в системе другого государства. Условием признания выступает соответствие системы согласованным требованиям к идентификации участников, обособлению клиентских активов, юридическому значению записи, общедоступности правил о применимом праве и возможности исполнить судебный акт путем корректирующей записи. Соглашение целесообразно дополнить правилами об ускоренном исполнении поручений о применении обеспечительных мер и о признании решений, предписывающих внести корректирующую запись или восстановить доступ к активу. Процессуальной основой служит Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 декабря 1992 года.

Выводы. Сравнение норм показывает, что различие двух правопорядков носит не концептуальный, а структурный характер. Российское законодательство подробно регулирует учет, статусы участников и допуск приобретателей, но не содержит специальных коллизионных привязок и средств восстановления права, учитывающих необратимость записи. Азербайджанское законодательство признает имущественную ценность виртуального актива, однако помещает его определение в акт о противодействии легализации преступных доходов и не определяет договорной модели отношений клиента с поставщиком услуг.

Предложенные редакции статьи 1205.2 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 20-1 Закона Азербайджанской Республики № 889-IQ, статьи 24.1 Федерального закона № 282-ФЗ и статьи 157-1 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики, обязательное ядро договора поставщика услуг и предмет двустороннего соглашения образуют минимальный согласованный набор, достаточный для того, чтобы трансграничная операция между участниками двух государств имела предсказуемый гражданско-правовой результат. Дальнейшая работа связана с проверкой этих решений в ограниченном режиме внешнеторговых расчетов и последующим закреплением подтвердившихся правил на уровне межгосударственного договора.

Таблица 1

Сопоставление норм Российской Федерации и Азербайджанской Республики об обороте цифровых (виртуальных) активов

Блок сравнения	**Российская Федерация**	**Азербайджанская Республика**
Квалификация объекта	Статьи 128 и 141.1 Гражданского кодекса; Федеральный закон № 282-ФЗ, признающий цифровую валюту имуществом и выделяющий иностранный цифровой инструмент	Статья 4 Гражданского кодекса о нематериальных благах, имеющих имущественную стоимость; определение виртуального актива в Законе № 781-VIQ, принятом для целей финансового мониторинга

Блок сравнения	Российская Федерация	Азербайджанская Республика
Профессиональные участники	Поименованные статусы оператора информационной системы, цифрового депозитария и организации по обмену цифровых валют; реестры Банка России, требования к капиталу и внутреннему контролю	Единая категория поставщика услуг виртуальных активов в Законе № 781-VIQ; роли участников операции в Правилах № 11/1, вступление которых отложено; лицензирование предусмотрено законопроектом
Форма и момент сделки	Переход прав связан с внесением записи в информационную систему; автоматическое исполнение по правилам системы; запрет платежа внутри страны с исключением для внешнеторговых операций	Общие нормы о договоре (статьи 389, 390, 407.2 Гражданского кодекса) и Закон № 908-IIQ об электронной торговле; специальных правил о моменте перехода права нет
Коллизионное регулирование	Раздел VI части третьей Гражданского кодекса (статьи 1205, 1205.1, 1206, 1210, 1211); специальных привязок для цифровых активов нет	Закон № 889-IQ о международном частном праве (статьи 20, 21, 24, 25); специальных привязок для виртуальных активов нет
Защита прав обладателя	Обособление клиентских активов, выкуп прав при нарушении требований к сделке, позиция Конституционного Суда 2026 года; специальных цифровых средств восстановления нет	Общие способы защиты (статьи 17, 18, 21, 157 Гражданского кодекса); правила обособления активов и ответственности хранителя отсутствуют

Источник: составлено автором по действующим нормативным правовым актам Российской Федерации и Азербайджанской Республики.

Библиография

1. Гонгало Б.М., Новоселова Л.А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 179–192.

2. Грачева Е.Ю., Ситник А.А., Папаскуа Г.Т. Правовое регулирование применения финансовых технологий в условиях цифровизации российской экономики: монография / под ред. Е.Ю. Грачевой, А.А. Ситника. М.: Проспект, 2023. 288 с.

3. Дмитриева Г.К. Цифровые финансовые активы: проблемы коллизионного регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 120–128.

4. Ефимова Л.Г., Михеева И.Е., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 78–105.

5. Жаксылыкбаева А.А. Цифровые активы в международном частном праве // Вестник Казахского национального университета. Серия юридическая. 2024. Т. 111, № 3. С. 145–155.

6. Кочергин Д.А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17, № 3. С. 75–130.

7. Кузьменков М.Ю. Коллизионное регулирование оборота цифровых прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 3 (124). С. 152–159.

8. Новоселова Л.А., Полежаев О.А. Цифровые финансовые активы как объекты имущественных отношений: актуальные вопросы теории и практики // Власть Закона. 2021. № 2 (46). С. 75–91.

9. Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Особенность правового статуса оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 9 (85). С. 145–153.

10. Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. 304 с.

11. Суханов Е.А. Проблемы развития российского частного права: избранные труды 2018–2023 гг. М.: Статут, 2023. 480 с.

12. Хазиев А.Г. Осуществление гражданских прав и исполнение обязанностей // Юридические науки и образование. 2024. № 75. С. 78–86.

13. Шайдуллина В.К. Сравнительный анализ гражданско-правового регулирования виртуальных активов в странах Содружества Независимых Государств // Азербайджанский юридический журнал. 2025. № 1. С. 27–44.

Дата поступления: *14 сентября 2026 г.*
Дата принятия в печать: *27 сентября 2026 г.*

Shaydullina V.K.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2026.84.155-164
UDC: 347.1:341.9

Turnover of digital (virtual) assets under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan: a comparative analysis of norms and proposals for harmonisation

Abstract: The article compares the current provisions of the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan that determine the civil-law regime of digital (virtual) assets and formulates specific proposals for their convergence. The comparison covers five blocks: qualification of the asset, legal status of professional participants, form and moment of a transaction, conflict-of-laws regulation and protection of the holder's rights. It is established that, following the entry into force of Federal Law No. 282-FZ of 4 August 2026 «On Digital Currencies and Digital Rights», the Russian regime contains detailed rules on recording, participant statuses and admission of acquirers, yet lacks special conflict-of-laws rules and special remedies for the restoration of rights; the Azerbaijani regime relies on Article 4 of the Civil Code, Law No. 781-VIQ of 30 December 2022 and the Rules on operations with virtual assets of 2023, whose entry into force has been postponed, and therefore defines neither the contractual model of the client's relations with the service provider nor the consequences of the custodian's insolvency. On this basis the author proposes wordings for Article 1205.2 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 20-1 of the Law of the Republic of Azerbaijan «On Private International Law» establishing a single sequence of connecting factors; wordings for Article 24.1 of Federal Law No. 282-FZ and Article 157-1 of the Civil Code of the Republic of Azerbaijan on the protection of the acquirer and the restoration of infringed rights; a mandatory core of the contract of a virtual asset service provider for the future Azerbaijani law; and the subject matter of a bilateral agreement under which mutual recognition covers not authorisations to operate but the private-law consequences of proper recording.

Keywords: digital assets, virtual assets, digital currency, digital depository, virtual asset service provider, conflict-of-laws rule, harmonisation of legislation, Republic of Azerbaijan.

References

1. Gongalo B.M., Novoselova L.A. [Is there a place for «digital rights» in the system of objects of civil law]. Permskiy yuridicheskiy al'manakh, 2019, no. 2, pp. 179–192. (In Russ.)

2. Gracheva E.Yu., Sitnik A.A., Papaskua G.T. [Legal regulation of the use of financial technologies in the context of digitalisation of the Russian economy]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 288 p. (In Russ.)

3. Dmitrieva G.K. [Digital financial assets: problems of conflict regulation]. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava, 2019, no. 5(102), pp. 120–128. (In Russ.)

4. Efimova L.G., Mikheeva I.E., Chub D.V. [Comparative analysis of doctrinal concepts of legal regulation of smart contracts in Russia and foreign countries]. Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki, 2020, no. 4, pp. 78–105. (In Russ.)

♦**Shaydullina Venera Kamilevna** – PhD in Law, Associate Professor, Faculty of Law, State Academic University for the Humanities (Russian Federation). E-mail: vk.shaydullina@gmail.com

5. Zhaksylykbaeva A.A. [Digital assets in private international law]. Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta. Seriya yuridicheskaya, 2024, vol. 111, no. 3, pp. 145–155. (In Russ.)

6. Kochergin D.A. [Crypto assets: economic nature, classification and regulation of turnover]. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy, 2022, vol. 17, no. 3, pp. 75–130. (In Russ.)

7. Kuz'menkov M.Yu. [Conflict regulation of digital rights turnover]. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava, 2021, vol. 16, no. 3(124), pp. 152–159. (In Russ.)

8. Novoselova L.A., Polezhaev O.A. [Digital financial assets as objects of property relations: topical issues of theory and practice]. Vlast' Zakona, 2021, no. 2(46), pp. 75–91. (In Russ.)

9. Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G. [The specific legal status of the operator of an information system issuing digital financial assets and of the operator of digital financial asset exchange]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2021, no. 9(85), pp. 145–153. (In Russ.)

10. Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. [Digital assets: legal analysis]. Moscow, 4 Print Publ., 2020. 304 p. (In Russ.)

11. Sukhanov E.A. [Problems of the development of Russian private law: selected works 2018–2023]. Moscow, Statut Publ., 2023. 480 p. (In Russ.)

12. Khaziev A.G. [Exercise of civil rights and performance of duties]. Yuridicheskie nauki i obrazovanie, 2024, no. 75, pp. 78–86. (In Russ.)

13. Shaydullina V.K. [Comparative analysis of civil-law regulation of virtual assets in the countries of the Commonwealth of Independent States]. Azerbaydzhanskiy yuridicheskiy zhurnal, 2025, no. 1, pp. 27–44. (In Russ.)

The article was submitted: *2026 September 14*
Accepted for publication: *2026 September 27*

Şaydullina V.K.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2026.84.155-164
UOT: 347.1:341.9

Rusiya Federasiyası və Azərbaycan Respublikasının qanunvericiliyinə əsasən rəqəmsal (virtual) aktivlərin dövriyyəsi: normaların müqayisəli təhlili və harmonizasiya üzrə təkliflər

Xülasə: məqalədə rəqəmsal (virtual) aktivlərin mülki-hüquqi rejimini müəyyən edən Rusiya Federasiyası və Azərbaycan Respublikasının qüvvədə olan normaları müqayisə edilir və onların yaxınlaşdırılması üzrə konkret təkliflər irəli sürülür. Müqayisə beş blok üzrə aparılır: obyektin hüquqi kvalifikasiyası, peşəkar iştirakçıların hüquqi vəziyyəti, əqdin forması və icra anı, kolliziya tənzimlənməsi və sahibin hüquqlarının müdafiəsi. Müəyyən edilmişdir ki, «Rəqəmsal valyutalar və rəqəmsal hüquqlar haqqında» 4 avqust 2026-cı il tarixli 282-FZ nömrəli Federal Qanun qüvvəyə mindikdən sonra Rusiya rejimi uçot, iştirakçıların statusları və əldə edənlərin bazara buraxılması barədə ətraflı qaydalar nəzərdə tutur, lakin xüsusi kolliziya normalarına və hüququn bərpasının xüsusi vasitələrinə malik deyil; Azərbaycan rejimi isə Mülki Məcəllənin 4-cü maddəsinə, 30 dekabr 2022-ci il tarixli 781-VIQ nömrəli Qanuna və qüvvəyə minməsi təxirə salınmış 2023-cü il Qaydalarına əsaslanır və buna görə də müştəri ilə xidmət təchizatçısı arasındakı müqavilə modelini, habelə

♦**Şaydullina Venera Kamil qızı** – hüquq üzrə fəlsəfə doktoru, Dövlət Akademik Humanitar Elmlər Universitetinin Hüquq fakültəsinin dosenti (Rusiya Federasiyası). E-mail: vk.shaydullina@gmail.com

saxlayıcının müflisləşməsinin nəticələrini müəyyən etmir. Bu əsasda vahid kolliziya bağlılıqları ardıcıllığını təsbit edən Rusiya Federasiyası Mülki Məcəlləsinin 1205.2-ci maddəsinin və Azərbaycan Respublikasının «Beynəlxalq xüsusi hüquq haqqında» Qanununun 20-1-ci maddəsinin redaksiyaları; əldə edənin müdafiəsi və pozulmuş hüququn bərpası barədə 282-FZ nömrəli Federal Qanunun 24.1-ci maddəsinin və Azərbaycan Respublikası Mülki Məcəlləsinin 157-1-ci maddəsinin redaksiyaları; gələcək Azərbaycan qanunu üçün virtual aktiv xidmətləri təchizatçısı ilə bağlanan müqavilənin məcburi nüvəsi, habelə qarşılıqlı tanınmanın predmeti kimi fəaliyyətə icazələrin deyil, lazımi uçotun xüsusi-hüquqi nəticələrinin tanınmasını nəzərdə tutan ikitərəfli sazişin predmeti təklif olunur.

Açar sözlər: rəqəmsal aktivlər, virtual aktivlər, rəqəmsal valyuta, rəqəmsal depozitari, virtual aktiv xidmətləri təchizatçısı, kolliziya norması, qanunvericiliyin harmonizasiyası, Azərbaycan Respublikası.

Məqalə daxil olmuşdur: *14 sentyabr 2026-cı il*
Çapa qəbul edilmişdir: *27 sentyabr 2026-cı il*